

К 556/435
К Р О К О Д И Л

№ 37 МОСКВА 1943

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». ГОД ИЗДАНИЯ ХХИ.

ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

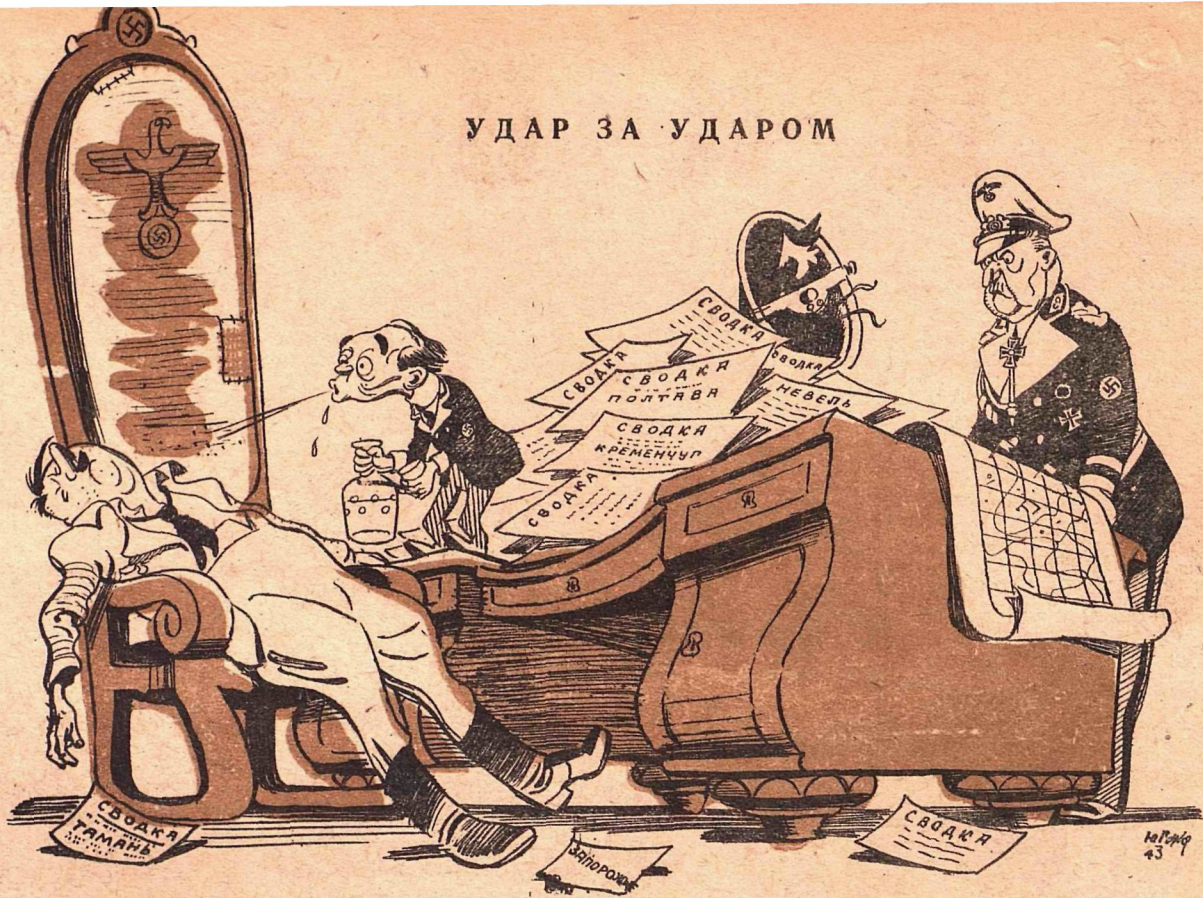

МУЗЕЙНАЯ РЕДКОСТЬ

Рис. Ю. Ганфа

Почему все любят ноги Карла?
О, это большая редкость! Ведь Карл еле их унёс из Запорожья.

Рис. Ю. Гацфа,

ГИТЛЕР:— Ну, ударили раз, ударили два, но нельзя же до бесчувствия!..

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

изменили значения правого берега.

БЕРЛИН. Опубликованным сегодня приказом фюрера левый берег Днепра объявлен не имеющим никакого значения. Приступлено к заготовке приказа о не-

МЮНХЕН. Экспрессно прибывший из-под Полтавы крупный землевладелец герр Пумперниккель привёз с собой богатый урожай, снятый им в его бывшем украинском поместье. Урожай снят аппаратом фирмы Цейсс на фотоплёнке «АГФА».

КЕЛЬН. В беседе с сотрудником «Кельнше цейтунг» герр Отто Шлешпер заявил, что многие местные нытики и малюверы в результате неудач германской армии в России совершенно потеряли голову.

Герр Отто Шлешпер занимает пост обер-палача при кельнском отделении гестапо.

ЖЕНЕВА. По полученным здесь сведениям, на днях на киноэкранах Германии с огромным успехом демонстрировался новый инструктивный фильм «О чём может говорить немец в дни войны». Фильм немой.

РИМ. Здесь объявлено о крупном успехе германской авиации. Вчера штурмовым налётом немецких ассов развалины Помпеи превращены в развалины.

СОФИЯ. Болгарская пресса с удовлетворением отмечает, что «в целях укрепления итало-германской дружбы» немцы объявили немецкий язык официальным языком во всей Италии. Свой язык итальянцам предложено держать за зубами.

ПРО САПОГИ

С дивана пыль не вытирали
И под диваном не мели,
Под ним ботинки год стояли,
Все в паутине и в пыли.

Им было скучно и обидно,
И часто думали они:
«Хозяин бросил нас, как видно,
И мы остались здесь одни.

Никто шнурки нам не завяжет,
Нам так темно и душно тут,
И гуталином нас не мажут,
И щёткой мялкой не трут».

Не зная, что кругом творилось,
Они смотрели в пыльный пол...

Вдруг дверь однажды открылась
И кто-то в комнату вошёл.

И кто-то вымылся под краном
И на диван, разувшись, лёг —
И оказалась под диваном
Пара кованых сапог.

Они в грязи и в глине были,
К подошвам мох лесной пристал,
И толстый слой дорожной пыли
Их голенища покрывал.

Они за танком шли с пехотой,
Они стояли на часах,
Они бродили по болотам,
В дремучих прятались в лесах.

Переходили реки, горы,
И был опасным каждый путь,
И вот они пришли в свой город,
Чтоб двое суток отдохнуть.

Ботинки место уступили,
Прижались в угол у стены,
«Откуда вы?» — они спросили,
И гости рявкнули: «С войны!»

Ботинки даже подскочили:
«Как! Вас хозяин брал в поход?
Так расскажите: где вы были?
Как провели вы этот год?»

«Нет. Мы с дороги так устали,
Расскажем завтра обо всём», —
Так сапоги, зевнув, сказали
И вмиг заснули крепким сном.

Стоят ботинки, ждут рассвета.
Стоят и думают они:
«Как много видит обувь эта,
Как скучно мы проводим дни.

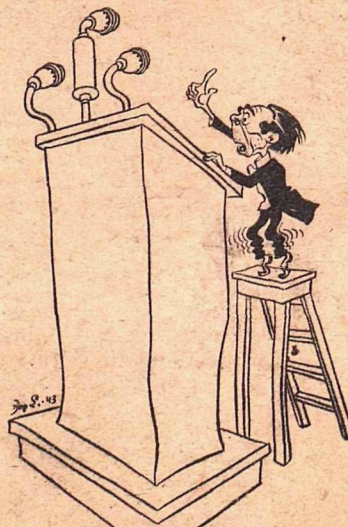
Но мы стоим и твёрдо знаем:
Пройдёт война, настанет час,
Домой вернётся наш хозяин,
Почистит нас, наденет нас,

И мы пойдём по тротуарам,
Сверкая на его ногах,
И мы поймём, что он недаром
Ходил в военных сапогах».

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ

КСТАТИ, О ДРОЖАЩИХ КОЛЕНЯХ

Рис. Бор. Ефимова

«... Сейчас у многих немцев появилась дрожь в коленях... Не показывайте свою слабость другим».

(Из выступления Геббельса).

25 ЛЕТ КОМСОМОЛА

Рис. В. Щеглова

ТОЧНЫЕ ЦИФРЫ

БЛЕСТЯ глазами и зубами, девушки потренировались:

— Статью к 25-летию комсомола!

Павлушин хотел, было отказаться, но девушки заблестели так ослепительно, что он зажмурился и сказал:

— Ладно, будет статья.

Он пришёл домой, взял лист бумаги и задумался. В дверь постучали.

— Войди, Катя. Пишу статью о комсомоле. Давай-ка подумаем вместе.

Катя села на диван, вытянула свои маленькие ноги в меховых домашних туфлях и засмеялась:

— Посмотрела на ноги и вспомнила: субботник, погрузка дров, проливной дождь, оторванная подошва... Помнишь?

— А как же! И верёвочка, которую я тебе дал, подвязать подошву. Идея! Вот за эту верёвочку мы и зацепимся. Стало быть, я начинаю так: «Мы, комсомольцы...»

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянуло заботливое лицо:

— Мама и папа, что вы тут делаете?

— Мы пишем статью, не мешай, детка, — сказал Павлушин и, когда дверь закрылась, продолжал:

— Итак: «Мы, комсомольцы...» Впрочем, Катенька, как же так? Эти воспоминания нас несколько увели от действительности. Мы же с тобой, собственно говоря, папа и мама!

— Ну и что ж такого, — сказала мама Катя. — Напиши: «Мы, тире, вчерашние комсомольцы». Вот и всё.

— Ага. Это идея. Значит, я пишу: «Мы, тире...»

Дверь распахнулась, и пониже её ручки появилась голова:

— Бабушка и дедушка! Вы скоро или не скоро? Мама вас зовёт чай пить!

— Мы пишем статью, не мешай, внученька, — сказал Павлушин. — Итак: «Мы, тире, вчерашние...» Позволь, Катя, какие же это мы вчерашние, когда и вчера, и третьего дня, и уже целых три года мы с тобой дедушка и бабушка! Катя, да ты только вникни, пожалуйста! Ведь это — прямо что-то невероятное!

— Ничего невероятного, — сказала бабушка Катя. — Всё совершенно обыкновенно. Двадцать пять лет комсомола плюс...

Цифры были точные и убедительные, а бабушка Катя сказала:

— Статью же я всё-таки начала бы именно так: «Мы, комсомольцы...»

Они написали статью. Девушки, сияя глазами и зубами, были в полном восторге. Они поместили её в своей студенческой газете с портретом автора, профессора с седыми височками. Статья начиналась так:

«Мы, комсомольцы 1918 года...»

В. КАРБОВСКАЯ

НЕРВЫ

— С чего бы вдруг напасть такая?
Мне страшно, — волк сказал, икая, —
Меня пугает каждый куст
И каждый шорох, каждый хруст...
Не знаю, то ли от погоды
Иль стали сказываться годы,
Но потрясенья мне страшны,
Хочу я страстно тишины,
Нужна мне от озноба грелка...
— Послушай, волк! — задорно белка
С высокой крикнула сосны. —
Давно ль ты стал такого нрава?
— С тех пор как началась облава, —
Ответил, взвизгнув, битый зверь.

Чем больше враг несёт потерь,
Чем он к своей могиле ближе,
Тем у него и нервы жиже.

Влад. ИВАНОВ

Действующая армия.

Как замечательно выглядит юбиляр на этом фоне.

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА. По наведённым справкам, фоном был полковник фон Штарбенберг.

Гуляш по-венгерски.

С приветом Подушкин

ЗДРАВСТВУЙТЕ, товарищ Подушкин! Извините, что так просто к вам обращаюсь, но я ваша знакомая с детства, некто Зина Гарпенко,— может, помните, как мы дружили, когда были ещё ребёнками, как вы меня дёргали за косу и подставляли под ножки и кричали «Зинка-корзинка» и разные другие слова. А последний раз я вас видела, уважаемый товарищ Подушкин, когда вы приехали домой в отпуск и читали разные лекции и боевые эпизоды из вашей морской и военной жизни. Уважаемый товарищ Подушкин, я вам пишу это письмо как крик моей души, чтобы вы знали, какая у меня происходит драма. Товарищ Подушкин, я знаю, что вы служите вместе с Семёном, и потому беслохоу вас этим письмом. Вот, несмотря на то что у меня прямо-таки голова болит до головокружения от всех моих личных переживаний, постараюсь изложить своё несчастье по порядку. Товарищ Подушкин, я любила Сеню. Я любила его, что он такой брюнет, что он имеет такие острые, фасонные бачки, что он такой бесстрашный и самым первым прыгнул у нас с парашютной вышки. Но, товарищ Подушкин, ничто не вечно под луною, как написано в книжке, не помню, в какой, всё проходит, прошла и моя любовь к Сене, вашему товарищу. Я разлюбила Сеню и полюбила другого человека. Он, Аркадий Витальевич Рыжак,— художественный свистун. Он может свистеть целую оперетту или даже целый концерт типа дивертисмент. Он безумно ревнивый, и он сказал мне при нашем первом знакомстве, что я похожа на русалку из оперы того же названия. В армию его не берут, потому что он имеет один искусственный глаз. Когда-то в пьяной накололся об вилку соседа и пострадал. Но его целый глаз—

чудной красоты. Он влюбился в меня, и всё было хорошо и красиво. Мы с ним гуляли на кладбище, он мне свистел, я ему напевала. Даже на работу он мне свистел в телефон. И вдруг всё кончилось. Товарищ Подушкин, это было ужасно! Я даже не могу вам описать, как это было. Мы с ним пошли в кино смотреть художественную картину «Сто девушек и один мужчина», и возле кино на улице за нами увязался проклятый мальчишка Гришка Лошадюк—такой с ушами, помните? Вот идёт сзади и повторяет: «Сеня, я буду любить тебя вечно, твоя Зизиша. Сеня, я буду любить тебя вечно, твоя Зизиша. А сама со свистуном. Ай-ай! Охо-хо! Ай-ай!» Вот проклятый Лошадюк! Я прямо-таки чуть сознание не потеряла от злости. А Рыжак меня спрашивает: чего это мальчишка Лошадюк бормочет? Чего это он намёки строит? Как это надо понимать? Короче говоря, товарищ Подушкин, в кино мы не пошли. И с этого вечера началась моя трагедия. Утром было воскресенье, и я пошла в наш магазин получать тапочки. Иду и думаю: выберу себя с розоватым верхом. Прихожу и говорю продавщице Вере Смирновой:

— Мне с розоватым верхом, номер тридцать восемь с половиной.

А она мне так нахально отвечает:

— С розоватым нет. Тридцать восемь с половиной нет. Ничего нет!

Что, думаю, за нахальство. Как она смеет мне так отвечать?! И спрашиваю:

— Как это нет? Вы обязаны клиента нормально обслужить.

— Смотря какого,— отвечает,— клиента. Некоторые напрасно тон повышают. Некоторые, которые любят вечно.

Я, конечно, выскочила из магазина. Встречаю свою подругу Лизу, которая замужем за

лейтенантом Ивановым,— может, помните? Встречаю я Лизу и рассказываю ей, как некоторые в личную жизнь вмешиваются и тапочки не дают на этом основании, а Лиза так на меня смотрит, помалкивает, потом вдруг заявляет:

— Всё это не личная жизнь, а одна только гадость и безобразие. Ваш Сеня—настоящий парень, он вам письма пишет, он про вас ночи не спит, а вы тут куры разводите с разными свистунами.

И ушла. Я тоже иду—лицо у меня горит, уши горят, чуть не плачу.

Зашла я в булочную за хлебом и прошу знакомую продавщицу Капу Елкину отрезать, как всегда, от горбушки: мы с мамой горбушку любим. А она говорит, что чего есть, того и берите, а не нравится—до свидания. И тут же Лизе, которая даже на меня и не смотрит, предлагает выбрать, от какого куска она хочет. Я прямо-таки вскипела и начала кричать, а Капа Елкина всё, конечно, выслушала и с холодком отвечает:

— Я вашего Сеню слишком уважаю, как человека и как товарища, чтобы для вас сейчас делать снисхождение.

Иду я домой, и в ушах прямо звон стоит. А вечером мой Рыжак вдруг заявляет:

— Это что же за шутки? Мне, говорит, сегодня житья не дали. Мне, говорит, товарищи по работе заявили, что я, как всё равно дегенерат, отбиваю девушку у моряка, который воюет. Я, говорит, прощаюсь с вами навеки. У меня, говорит, тоже совесть имеется. Привет!

И ушёл. Вот и вся моя история, уважаемый товарищ Подушкин. Теперь я одна. Сеня мои письма, наверное, даже не читает. После того, как написала я ему, что чувство моё остыло, он мне ничего не написал. Товарищ

Подушкин, в память нашего детства прошу вас: не откажите воздействовать на Сеню. Всё забыто. Всё, кроме него. Пусть он меня простит. Я вечно душою с ним, на его пароходе, где он шевелит своим рулём или поднимает свой одинокий парус, когда дует штиль, ломая всё на своём пути.

В ожидании ответа остаюсь

3. Гарпенко...

«Привет, т. Гарпенко! Поскольку вы обратились ко мне с письмом, отвечаю вам, хоть не имею никакого особого желания иметь переписку с лицами типа вашего. Ответ мой будет коротким. Семён, верно, находится вместе со мной. Он хороший моряк, бесстрашный парень и недавно имел благодарность за отражение атаки фашистского стервятника на Н-ский объект. Я горжусь, что дружу с таким человеком. Тем более, я переживал, когда вы не изволили ему ответить, а потом написали о Рыжаке. Я переживал болезненно. Но что мои переживания по сравнению с переживаниями Семёна! Он, который не издал даже стога, когда фашистский стервятник прострелил ему плечо и руку, он, этот моряк-герой, плакал, как ребёнок, читая ваше письмо.

Эх, гражданочка, по фамилии Гарпенко, не оценили вы, как умеет любить моряк! Вот за эти минуты и решил я отомстить вам. Выбросил Сеня вашу фотографию, на которой вы написали свои протухшие слова — «я буду любить тебя вечно». Я её подобрал. И написал письмо своей тётушке в ваш городок. А тётушку вы мою знаете — Ангелину Ангеловну. И в письмо вложил фотографию. Написал же тётушке я немного. Дескать, уважаемая

тётя, живу неплохо, то да сё, обижаюсь на наш городок, только вы никому не говорите, строго между нами, секретно: ваша гражданка Гарпенко обидела нашего Семёна. А тётушка такая, что стоит ей написать секрет, как все будут знать. Вот она и сообщила всем. А люди у вас оказались хорошие — не одобрили вас, и даже свистун — и тот человек с душою. В заключение сообщаю вам про Семёна. Он сейчас имеет переписку с одной красавицей девушкой из города Москвы. Она прислала нам подарок для самого храброго в части, и подарок выдала Семёну. В подарке была её фотография — тоже блондинка, с синими глазами, извините, вы с ней ни в какое сравнение идти не можете. Она против вас, что эсминец против рыбацкой шняки, извиняюсь вторично. Девушку зовут Маруся, и после войны они встречаются сразу же. А может, она ещё и к нам на флот приедет с подарками от своего завода — она на это надеется. Теперь несколько мелочей. Вы пишете: «Когда мы были ещё ребёнками» — это неграмотно. Вы пишете: шевелит своим рулём, на его пароходе дует штиль, и разную такую, извините в третий раз, ерунду. Штиль не дует, рулём никто не шевелит, насчёт парохода — вообще смешно. Советую поработать над собой. Привет т. Лошадюку. Прошу вас не утруждать себя больше письмами в нашу полевою почту. Рекомендую пересмотреть свой жизненный путь, потому что, как сказал т. Горький: «А вы на земле проживёте, как черви слепые живут, ни сказок про вас не расскажут, ни песен про вас не споют».

С приветом Подушкин.

ЮРИЙ GERMAN

РАСТВОРИЛ Я ОКНО...

В «Окно Тасс» № 798 знатный рудокоп Семиволос назван шахтёром Донбасса.

Гляжу — передо мной «Окно». В «Окне» — Семиволос. Он нам известен всем давно. Но... что же с ним отряслось?

Он рудокопом знатным был, Но с некоторых пор Профессию переменял, И ныне он шахтёр!

Я вмиг послал ему запрос И выяснил тотчас: Шахтёром стал Семиволос По воле «Окон Тасс».

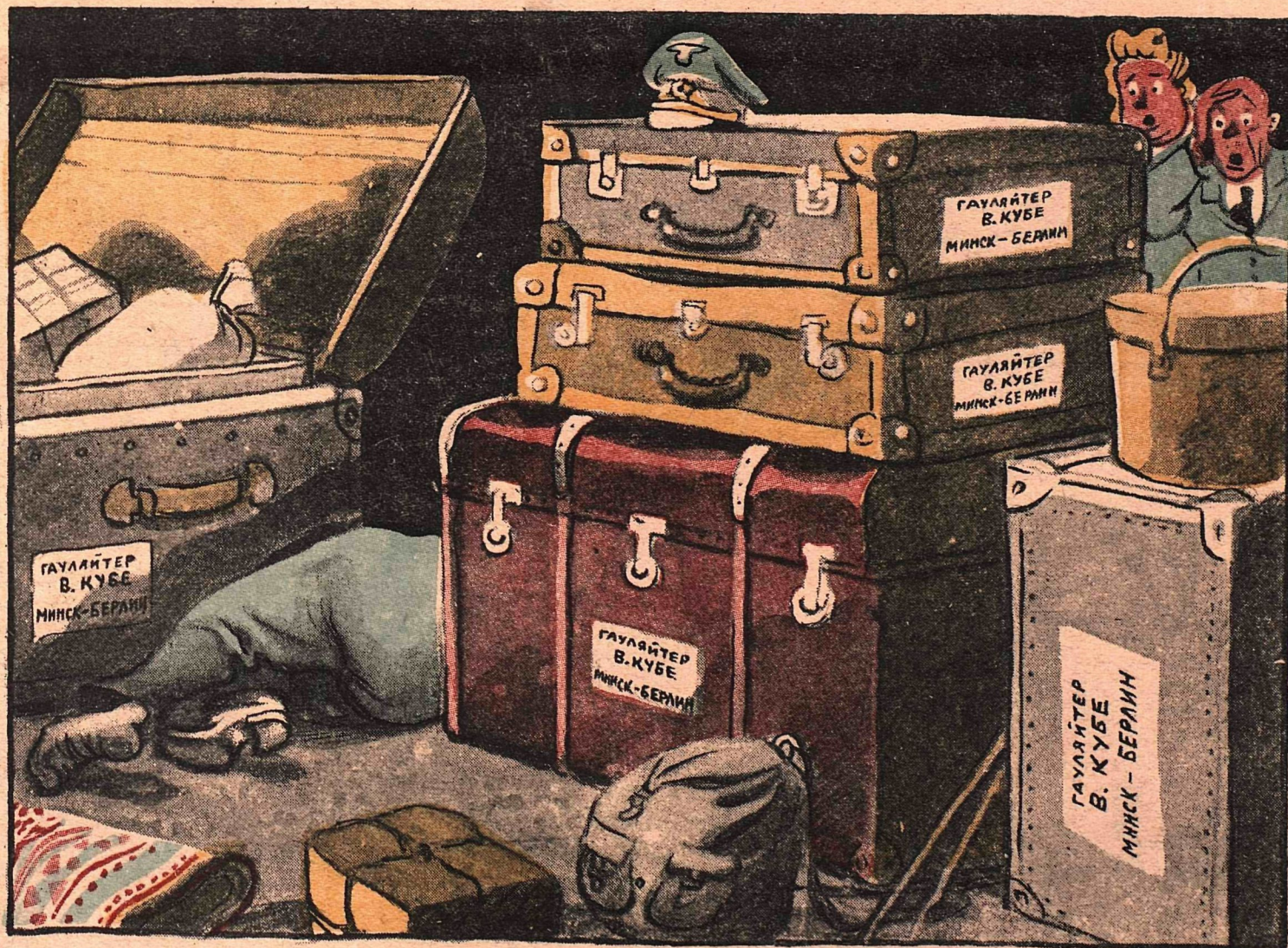
У них заслуженный успех (Что рад я подтвердить!), Но это вот «Окно» не грех Хоть ставнями закрыть.

Ох, как бы завтра «Окна Тасс» Не известили нас, Что Луин — знатный свинопас, А Гилельс — водолаз.

Ник. АДУЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ КУБЕ

Рис. Бор. Ефимова

Убит при попытке к бегству.

Мосье де Фект ✓

ГЛУБОКО, товарищи, заблуждаетесь, если полагаете, что в этом рассказе есть много выдумки. Здесь от начала до конца чистая правда и только лишь имена действующих лиц несколько изменены.

Случилось всё это в Белоруссии, в тылу врага.

Германское командование назначило комендантом одного местечка какого-то плюгавенького французика из лавалевских молодчиков.

Мосье де Фект — условимся, что так звали субъекта с лихо закрученными жиденькими усиками — повёл себя страшно воинственно. Началось с того, что грозный французик-комендант сочинил такой приказ:

«Самым строгим образом запрещается мужчинам и женщинам, а также старикам белорусской национальности вступать в партизанские отряды, а лица, нарушившие приказ, будут наказаны по закону военного времени. Я шутить не люблю, обратите внимание. Комендант де Фект».

Сие сугубо серьёзное произведение немецкого француза стало известно в ближайшем лесу. Это большой, густой сосновый лес с малой долей березняка и ольхи и с большой примесью партизан.

Командир партизанского отряда тридцатилетний дед Левон сказал:

— Это интересно. Мусью не уважает шутки. Как же нам в таком случае быть? Мы же, наоборот, любим пошутить. Что же нам, хлопцам, делать с таким мусью, который лишён чувства юмора?

Старый полешанин Кузьма не совсем понял, чего такого лишён комендант, но на всякий случай посоветовал:

— Пристрелить!

Дед Левон, подумав, сказал:

— Откровенно говоря, мне нравится предложение Кузьмы — оно не совсем оригинально, но зато конкретно. Слабой стороной этого предложения является то, что на сопливого французика придётся потратить нашу хорошую пулю. А боеприпасы надо расходовать экономно... Вот что, хлопцы! Уж третий день, как низом, по просёлочной, бегают на мотоцикле связной полковника фон Дрибке. Он ездит в город за почтой. Надо поймать связного, привести его к оврагу и...

— Пристрелить! — добавил Кузьма, который любил объясняться с немцами короткой очередью.

Дед Левон продолжал:

— Привести его к оврагу и ознакомиться, во-первых, с корреспонденцией герра полковника и, во-вторых, надо через него передать письмоцо мусью де Фекту.

На завтра рано утром два дюжих партизана вели по лесу рыжего прыщеватого фрица. Сзади старый Кузьма тащил повреждённый мотоцикл. Хотя утро было тёплое и безветренное, немец почему-то дрожал, как осиновый лист. А завидев идущего к нему навстречу командира отряда и его парабеллум, он не своим голосом вдруг завопил, испугав насмерть ничего не подозревавших лесных птиц:

— Гитлер капут! Гитлер капут!

Дед Левон остановил разошедшегося оратора:

— Спасибо за информацию. Но мы и без тебя знаем, что Гитлеру капут. У нас на счёт этого есть более точные сведения. Как тебя, фриц, зовут?

— Фриц Ванценмайер.

— Фамилию оставь при себе. Пригодится для траурного объявления. А это...

Он указал на его сумку с пакетами:

— А это, фриц, оставь нам. Хочу проверить, не забыл ли я читать по-немецки. И вот тебе письмо. Секретное. Понял, фриц? Секрет! Мусью коменданту. А полковнику — ни-ни. Понял? Беги! Шнель!

Ошарашенный фриц продолжал некоторое время стоять, разинув рот. Но потом, опомнившись и поняв, что его больше здесь не задерживают, пустился бежать.

Старый Кузьма с сожалением смотрел на удаляющуюся фигуру немца...

А дальше случилось так, как и задумал дед Левон: связной пошёл не к де Фекту, а к полковнику фон Дрибке и отдал ему письмо, адресованное мусье де Фекту.

Полковник вызвал переводчика, и тот прочёл следующие строки, написанные дедом Левон:

«Мерси, мусью, за то, что вы своевременно предупредили нас о карательной экспедиции, которую готовил полковник фон Дрибке, этот, как вы изволили выразиться с чисто галльским юмором, «толстый немецкий кабан». Я очень рад, что вы намерены поддерживать с нами контакт, но будьте, ради бога, осторожны. Крепко жму вашу руку. Адьо и ещё раз мерси...».

Стоял чудесный осенний день, когда немцы растреливали мусье де Фекта.

Г. РЫКЛИН

К СОЖАЛЕНИЮ, НЕ СКАЗКА

Рис. А. Каневского

Посадил на коллективном огороде дед репку. Выросла репка большая-пребольшая. Дед тянет-потянет — вытянуть не может.

Позвал дед бабку. Тянут-потянут — вытянуть не могут.

Позвала бабка внучку. Тянут-потянут — вытянуть не могут.

Позвала внучка Жучку. Тянут-потянут — вытянуть не могут. — Послушайте, — сказала, наконец, репка человеческим голосом, — напрасно стараетесь. Пока не будет выстроено овощехранилище, я всё равно не вылезу.

Более чем грустно

17 ДНЕЙ

СТАРШИЙ лейтенант Р. приехал в город Куйбышев. Он приехал из Ташкента, где находился в госпитале. Он был ранен.

И вот теперь он, инвалид Отечественной войны, вернулся домой!

Он вышел на вокзал с надеждой, что сейчас к нему бросятся его родные, друзья и прозойдёт та волнующая встреча, которую он с таким нетерпением ждал.

Нет, на вокзале никого не было. Его никто не встретил. Неужели же его позабыли, отвернулись от него за эти два года войны?

С горькими мыслями лейтенант побрёл к своему дому. Он с трудом дошёл, опираясь на костыль.

Что ж оказалось? Оказалось, что родные понятия не имели о его приезде. Они не получили телеграмму, посланную лейтенантом из Ташкента.

Эта телеграмма пришла спустя 7 дней. Итого 17 дней она перла из Ташкента в Куйбышев!

На чорта же нужны такие телеграммы!

10 МЕСЯЦЕВ

ГВАРДИИ лейтенант Т. получил письмецо из дома, от своей жены.

Конечно, он очень обрадовался. Стал читать. Потом видит: что-то неладное в письме. Жена пишет о каком-то младенце, который только что родился... В чём дело? Ведь его сыночку пошёл второй год. О каком же новом младенце идёт речь?

Протёр глаза лейтенант, стал опять читать. После видит: письмецо-то ведь послано в ноябре 1942 года. А нынче, слава богу, сентябрь 1943 года. Стало быть, письмецо шло 10 месяцев. Почти год.

И вот теперь гвардии лейтенант нам пишет: «Да за эти десять месяцев мой сынок говорить научился. За эти десять месяцев я побывал на обороне Сталинграда, участвовал в зимнем наступлении Красной Армии. За эти 10 месяцев мы прошли сотни километров, тесня противника... А тут одно письмо они мотали почти год...»

Ещё хорошо, что письмо только год мотали. Могли бы его три года мотать.

ПРОВЕРИЛИ

ИНЬЕ посылают письма в редакции газет. Иные жалуются нам.

А майор Р. бажнул жалобу прямо в Наркомат связи. Он послал письмо наркомату: дескать, телеграмма из Куйбышева в Москву шла 18 дней и по этой причине он, майор Р., не встретил свою жену на вокзале и вообще произошла чепуха. Обратите, дескать, внимание на такое безобразие.

Начальник секретариата прислал ответ. Исключительно вежливый, любезный ответ. Дескать, дано указание... проверили... накажем... не сомневайтесь.

Казалось бы, всё в порядке. Благодарили за сообщение. Спасибо за внимание.

Ан нет. Взглянул майор на конверт и убедился, что это любезное письмецо шло ровно 14 дней.

14 дней тащилось письмо с улицы Горького до улицы Чайковского!

А в Наркомате будут проверять медлительное шествие телеграммы из Куйбышева! Будут хлопотать, тревожиться, наказывать. Переписку заведут. Почту загрузят. Ну зачем это? И так всё ясно.

ВРЕД

ВСЕМ известно, что иной раз приходят повторные телеграммы.

Тот же текст, тот же номер. А телеграмму несут вторично.

Я не знаю, почему это бывает.

Может быть, телеграфистка из уважения к тексту передаёт его дважды. А может быть, она не туда кладёт обработанную бумажку и потом снова за неё хватается.

В общем, я не знаю, как там это у них происходит с технической стороны.

Во всяком случае, это — явление нередкое. И оно вряд ли ведёт к разгрузке телеграфных проводов.

Но вот перед нами три одинаковые телеграммы. Все три они, как близнецы. И номер у них одинаковый. И текст. И число. Прямо как-то даже трогательно видеть их вместе.

Они посланы из Алма-Аты в Москву, на адрес Мясохладпромстроя.

Ну к двойным телеграммам мы как-то уже привыкли.

Но три раза повторять одну и ту же телеграмму — это уж, как говорится, слишком. Это уж не к чему.

Нет, три раза повторять не надо.

Лучше три разных телеграммы посылайте, чем одну и ту же.

Это уж, извините, бред.

М. ЗОЩЕНКО

ИЗ ЦИКЛА ПОРТРЕТОВ «НЕ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Рис. В. Горяева

ЖРЕЦ ИСКУССТВА

— Хоть рекламировать себя я не привык,— Считаю это ниже своего достоинства,— Но всё ж прошу учесть: я автор-фронтовик, Обслуживающий искусством наше войнство. Я написал до тысячи вещей,— Перечислять их из скромности не буду. И сам я исполняю их, и вообще Они проходят «на ура» повсюду! Что? Какова тематика моя? Я просто вам ответить затрудняюсь! Ну, как бы вам сказать... Всё обнимаю я: И фронт и тыл... Сажусь — и откликаюсь! Я выступал в Чите, в Алма-Ате, Не уставал творить среди эвакуаций, Имею отзывы на что одном листе От девяноста четырёх организаций. А тут недавно я на эском фронте был,— Сказать, где именно, — я не имею права... Там был такой успех!.. Я точно пьян ходил, И только тут узнал я, что такое слава! Что? Почему я вам всё это говорю? Да потому, что я заброшен и обижен. Я, так сказать, творю, я, так сказать, горю — И до сих пор к себе внимания не вижу! У всех кругом — пайки, лимиты, ордера, Мои коллеги представляются к награде — Считаю: и меня отметить бы пора, А кстати и жену: она в моей бригаде!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ДАВНЫМ-ДАВНО

Рис. Л. Вродаты

— А наши мамы чуть не подрались!
— Чего ж от них ждать! Ведь они учились ещё вместе с мальчишками.

Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, М. ЗОЩЕНКО, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 724

Подп. к печати 16/X 1943 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 3792

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2640.

Тираж — 100 000 экз.

94

✓ 2468

Рис. К. Елисева

НА БЕРЕГУ ДНЕПРА

ОБЯЗАТ. ВИЗЕМЛЯРЫ
 4 НОЯ 1943
 Все на Палат. Получены

	Имя	„Лет вояж“	„Журн. лет“
Получ в р...			
Служ в арх...	6/ХТ		

Запорожская сечь.

Елисева
43